

ЗАМЕТКА ГРАФА Д. И. ХВОСТОВА О ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

На протяжении долгого времени биография и творчество Дмитрия Ивановича Хвостова воспринимались лишь сквозь призму его специфической литературной репутации признанного поэта-графомана. Между тем Хвостов оставил обширное и разнообразное творческое наследие. Хранитель традиций эпохи классицизма, он выступал в качестве писателя, критика и теоретика литературы. Помимо печатных работ, для характеристики литературной позиции Хвостова, его вкусов и пристрастий существенный интерес представляют и рукописные материалы его архива,¹ в своей значительной части остающиеся неизвестными исследователям. Так, наблюдая за современным литературным процессом, Хвостов выступал своего рода хроникером. Как правило, он брался за перо сразу же по выходе новой книги, журнала или альманаха, формулируя мнение о прочитанном для себя и фиксируя его для возможной будущей публикации в особых «Записках о словесности». Граф намеревался со временем поместить некоторые из заметок в состав 8 тома собрания своих сочинений, который включал прозаические произведения, но не вышел из-за его смерти.²

Свои регулярные записи граф обычно не датировал: исходящие и входящие письма наряду с собственными и чужими статьями Хвостов нумеровал, хронологически размещая материалы в больших тетрадах, заполнявшихся по большей части переписчиками. Затем он иногда собственноручно правил эти записи. Особого внимания здесь заслуживают материалы, относящиеся к Пушкину. В 1938 году А. В. Западным был опубликован хвостовский «Разбор стихов Пушкина под названием Разные стихотворения», где граф выступает с критикой первого сборника пушкинских стихотворений 1826 года.³ В комментарии к публикации исследователь отмечал: «С большим прилежанием и важностью судил он (Хвостов. — А. К.) в своих заметках о произведениях русской словесности, однако критика его никогда не поднималась до значительных обобщений и ограничивалась частными замечаниями об отдельных недостатках строфы, строки, образа, эпитета и т. д. Так же подошел он и к созданиям Пушкина. (...) Не понимая и не принимая поэзии Пушкина, Хвостов требует от него подчинения классическим правилам и предлагает иногда Пушкину сделать то, чего последний стремится избежать, по многу раз переделывая какую-либо деталь».⁴ Высказанная Западным резкая оценка Хвостова как критика Пушкина в дальнейшем не подвергалась пересмотру. Между тем некоторые ранее неизвестные суждения графа позволяют скорректировать подобное представление.

В одну из рукописных тетрадей переписчиком внесена заметка Хвостова «О критике на „Бориса Годунова“ Пушкина», обозначенная в оглавлении тетради под № 119.⁵ Поводом для ее появления стал разбор трагедии, принадлежащий В. Т. Плаксину.⁶ Его обширная статья — «Замечания на сочинение А. С. Пушкина

Александр Валентинович Курочкин — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина.

¹ Этот архив сосредоточен в фонде Д. И. Хвостова (ф. 322) в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

² Содержание тома см.: ИРЛИ. Ф. 322. № 43. Л. 2—3.

³ См.: Пушкин и Хвостов / Публ. А. В. Запавова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. I. С. 265—272.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 5 об.

⁶ Василий Тимофеевич Плаксин (1795—1869) — преподаватель российской словесности в военно-учебных заведениях, литератор и критик, с конца 1820-х годов регулярно публиковал свои статьи в изданиях Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча.

„Борис Годунов» — была напечатана в нескольких номерах журнала «Сын отечества и Северный архив» в июне—июле 1831 года.⁷ Накануне публикации первой части статьи в «Северной пчеле» появилось уведомление: «Творение первоклассного Поэта, обращающего на себя внимание отечественной и иностранной публики, достойно подробного, основательного, во всех отношениях обдуманного разбора {...} Один просвещенный любитель Литературы доставил нам на сих днях разбор „Бориса Годунова”».⁸ Современные комментаторы характеризуют статью Плаксина как «педантичную и громоздкую»: автор «требовал от трагедии „высокого” героя, непрерывного течения „случаев” одного за другим и неизменности характеров на протяжении всей драмы. Разбор выглядел архаично и, несмотря на большое количество псевдонаучных рассуждений, не выходил за рамки стандартного набора замечаний в адрес пушкинской трагедии».⁹ Предваряя оценку «Бориса Годунова», критик констатирует: «...драма как изящное произведение требует известной идеи и сообразного оной выражения; она нуждается в стройности целого, в доблести чувствований и помыслов и в приятности форм; как словесное произведение, ищет связного течения речи и соблюдения правил языка; как поэзия, должна выражать в звучной, в согласно текущей речи мир идеальный».¹⁰ «Просвещенного любителя литературы» в «Борисе Годунове» не устраивало, «с одной стороны, излишество или неуместное введение случаев, не имеющих ничего драматического, с другой — опущение необходимых для сообщения характера действию, для возбуждения участия, и третье, как следствие и того и другого, — недостаток связи в ходе целого, представляют драму в отрывках, заставляют беспрестанно переселяться с одного места на другое без всякой нужды. Это кочевание происходит оттого, что поэт выбирает места, которые совсем не способны развить действие, а иногда место прямо противоречит действию».¹¹ Кроме того, Плаксин требует от автора «Бориса Годунова» достоверности в представлении характера героя и его поведения: они, по мнению критика, не соответствуют складывающимся обстоятельствам.

Отметим на эти суждения Плаксина и стала заметка Хвостова. Ниже публикуем ее полностью. Текст приведен в соответствии с современной орфографией с сохранением особенностей авторского языка и стиля, подчеркивания выделены курсивом. Имя Плаксина в своем отзыве граф не упоминает, называя его «замечателем».

«№ 119. О критике на „Бориса Годунова” Пушкина.

Продолжая читать в „Сыне Отечества” № 25 и 26, под статью критика, стр. 281¹² по 294 замечания на сочинение Александра Сем.¹³ Пушкина „*Борис Годунов*», скажу, что я большею частью совершенно согласен с г. замечателем, но только не знаю, не лишнего ли он требует от последователя романтического учения, от поэта гениального, который отринул формы, правила и приличия — следственно, по-моему, тут нечего спрашивать ни единства, ни порядка, ни хода действия в расположении сцен. Сочинение Пушкина, как говорят французы, не иное что, как *des scènes à tiroir*.¹⁴ Опять повторю, что в подобном сочинении нечего заботиться о связности или несвязности целого и также о характерах. См. полное издание моих

⁷ Сын отечества и Северный архив. 1831. Т. 20. № 24, 25—26; Т. 21. № 27—28; То же: Пушкин в прижизненной критике: [В 4 т.]. СПб., 2003. Т. 3. 1831—1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. С. 92—114.

⁸ Северная пчела. 1831. 17 июня. № 133. С. 1.

⁹ Лотман Л. М., Вирролайнен М. Н. Борис Годунов // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А—Д. С. 169; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 635 (комм. Л. М. Лотман, при участии Т. А. Китаниной).

¹⁰ Пушкин в прижизненной критике. Т. 3. С. 94.

¹¹ Там же. С. 99.

¹² Описка, правильно: 218.

¹³ Описка, правильно: Сер. (геевича) вместо Сем. (еновича).

¹⁴ Не связанные между собой сцены (*фр.*).

стихотворений, где во 2-м томе в примечании к 4-му посланию „К питомцам муз” на странице 254, примечание 214 сказано: „Я с удовольствием помещу здесь очень мудрое и справедливое изречение одного современника, который о подобных творениях отзывался: *«Это ни трагедия, ни комедия, но сценические отрывки, вымышленные или исторические»*. Таковой отзыв относится к большей части театральных сочинений нашего времени”.¹⁵

Г. замечатель говорит: „Четвертую сцену (где Борис является царем по избранию народному) можно считать началом драмы. Если бы драма сия была названа «Григорий Отрепьев», если бы сей герой открыл здесь свои намерения, хотя не прямо, то и действие ее менее бы отступало от единства. Здесь является и поэзия, достойная г. Пушкина, особенно же отличается речь Летописца (а)¹⁶ Пимена, монаха Чудова монастыря”.

Я совершенно согласен со всеми предположениями г. критика, повторяя, как выше сказано, что требование единств, связи в действии напрасно. Романтик обязывается возбуждать в зрителе или читателе чувства и сострадания без наблюдения форм и правил, самую природою начертанных, одними только эффектами; итак соглашаясь с г. критиком, противоречу ему только в том, что он сказал об изображении свойства или характера Бориса Годунова. Рецензент, выписав прекрасную речь к народу новоизбранного царя, говорит: „Человек обыкновенный, истинно боявшийся воцарения, в подобных обстоятельствах, конечно, не мог бы говорить иначе, но Борис, тот самый, каковым представляют его историки и поэты, не мог говорить таким образом. Следовательно, и эти прекрасные умиленные стихи не сообразны лицу говорящему”.

Я спрашиваю, почему царь Борис в первом действии у Пушкина не мог говорить того, что он говорит устами поэта. Он трикратно отрицался от избрания и принял оное по склонению сестры своей, супруги царя Феодора. Разве г. замечатель требует той истины в характере, которая бы каждому преступнику внушила речь о его злодеяниях. Никто в злодействах своих и даже в лукавстве не признается, и в последнем действии сей драмы Борис говорит сыну при смерти, каяся Богу, словами неясными об убийстве царевича Дмитрия, намекает только Феодору Борисовичу:

Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все один отвечу Богу.

Нет сомнения, как говорит незабвенный историограф, что Годунов жа(ж)дал престола, еще при царе Феодоре: когда колдуны объявили ему, что он будет царствовать, только недолго, именно 7 лет, Борис с восторгом подхватил: „*хотя бы семь дней*”.¹⁷ Заклучим, что ни от какого автора требовать нельзя, чтобы он Бориса в

¹⁵ Здесь Хвостов указывает источник приведенной цитаты: *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 254 (прим. 214).

¹⁶ К данному фрагменту Хвостов делает примечание: «(а) Осмелюсь сделать маленькое замечаньецо на замечателя. Летописец Пимена — есть сочинение его, а о самом Пимене не лучше ли сказать: *Летописатель Пимен*». Таким образом, в понимании графа слово «летописец» обозначает не самого сочинителя, а принадлежащую ему летопись. В «Словаре русского языка XVIII века» различие в употреблении «летописатель» и «летописец» не обнаруживается: «Летописатель — то же, что летописец. Летописец — составитель, сочинитель летописи» (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 11. С. 163). В «Словаре Академии Российской» данные слова отсутствуют. Интересно, что митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), составивший словарь русских писателей, в статье о Несторе дает вариант «летописатель Пимен» (*Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви: В 2 т. СПб., 1827. Т. 2. С. 83). В «Словаре языка Пушкина» случаи употребления слова «летописатель» не зафиксированы.

¹⁷ Имеется в виду следующий фрагмент «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Имея ум редкий, Борис верил однако ж искусству гадателей; призвал некоторых из них в тихий час ночи и спрашивал, что ожидает его в будущем? Льстивые волхвы или звездочеты ответствовали: *тебя ожидает венец...* но вдруг умолкли, как бы испуганные дальнейшим предвидением. Нетерпеливый Борис велел им договорить; услышал, что ему царствовать толь-

минуту избрания заставил признаваться в ужасном преступлении, и что речь Бориса к народу, как сам замечатель признается, прекрасная и сочинена в том духе, какого требовали обстоятельства, а не истина или история.

Разбирая целое творение, я не останавливаюсь на двух плохих стихах, мною выписанных из 5 действия. Первый хорош, а второй: „А я за все один отвечаю Богу”, тяжел, в нем четыре односложные слова сначала, а притом, „отвечу Богу” весьма низко и не пристойно в высоком слоге, только кучера или чернь грубая говорят теперь и говаривали при Борисе: „отвечу Богу”. Сию хорошую мысль должно было облечь в стихотворческий наряд: „Я готов отвечать перед Богом”, „я дам ответ Всемогущему” и подобное». ¹⁸

Очевидно, с публикацией Плаксина Хвостов стал знакомиться с 24-го номера журнала. Об этом говорят первые слова его отзыва — «Продолжая читать <...> № 25 и 26», указывающие как на начало статьи Плаксина в предыдущем номере, так и на только что появившееся ее продолжение. Номер 25/26 «Сына отечества», на который непосредственно ссылается Хвостов, вышел из печати 1—2 июля. ¹⁹ По-видимому, сразу же после его прочтения и возник отзыв графа. Исходя из этого, замечания Хвостова можно датировать первыми числами июля 1831 года.

В отклике на разбор Плаксина Хвостов позиционирует себя личностью широких, свободных взглядов на искусство, а не литературным сектантом. Это обстоятельство противоречит устоявшемуся взгляду на него как на упрямого защитника архаичных литературных догм. Граф считал себя профессиональным и объективным ценителем искусства, о чем заявлял еще в письме к А. С. Шишкову от 6 июля 1818 года: «С давнего времени, как вам известно, записался я в поборники критики. <...> Критика беспристрастным судом своим оценивает дарование разбираемого ею писателя, определяет силу слов и расположение речи по правилам языка, она обуздывает всякое гибельное для словесности нововведение, которое впоследствии времени обращается во вред обществу». ²⁰ Таким беспристрастным судьей Хвостов и старается выступить в замечаниях по поводу пушкинской трагедии.

Как видно, отзыв графа о «Борисе Годунове» в целом имеет благожелательный характер. При этом особый интерес представляют его суждения о художественной природе пушкинского произведения, резко разрывающего связи с драматургией классицизма.

Вероятно, непосредственным толчком к написанию замечаний для Хвостова стала пространно развитая Плаксиным мысль об отсутствии у Пушкина единства действия. Как известно, сам автор «Бориса Годунова» его не отвергал. Определяя новаторские черты своего произведения, он ставил себе в заслугу, что «написал трагедию истинно романтическую»: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее». ²¹ Между тем, помимо Плаксина, отсутствие в «Борисе Годунове» единства действия отмечали и другие критики, не принявшие новаторства пушкинской трагедии. Так, П. А. Катенин в письме к неизвестному от 1 февраля 1831 года констатировал: «Борис Годунов» — «не драма отнюдь, а кусок истории, разбитый на мелкие куски в разговорах». ²² А. А. Бестужев в письме к Н. А. Полевому от 13 августа того же года признается, что не видит в «Борисе Го-

ко семь лет, и, с живейшею радостью обняв предсказателей, воскликнул: *хотя бы семь дней, но только царствовать!*» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 127).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 185 об. — 187 об.

¹⁹ Северная пчела. 1831. 2 июля. № 145. С. 1.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 15. Л. 40 об.

²¹ <Письмо к издателю «Московского вестника» М. П. Погодину> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 66—67.

²² Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 306—307.

дунове» «ничего, кроме прекрасных отдельных картин, но без связи, без последствия». ²³ Вторя ему, Н. А. Полевой пишет: «Не общее ли мнение всех есть то, что когда вы прочитаете драму Пушкина, у вас остается в памяти множество чего-то хорошего, прекрасного, но несвязного, в отрывках (...)»? ²⁴

Суждения Хвостова и перекликаются с подобными оценками, и отличаются от них. При этом данные высказывания кажутся противоречивыми. Оставаясь принципиальным сторонником «единств, связи в действии», ²⁵ граф вместе с тем полагает, что к «Борису Годунову» это важнейшее для традиционной литературы требование неприменимо, поскольку автор является «последователем романтического учения», а его произведение не имеет «единства, ни порядка, ни хода действия в расположении сцен». Считая, что романтики, отступая от правил, противоречат и самой природе (с точки зрения Хвостова, это важный недостаток), граф тем не менее признает право современных «театральных сочинений» на существование.

Замечания о «Борисе Годунове» отражают литературную позицию Хвостова тех лет в целом. В споре классиков и романтиков переводчик отвергнутого Пушкиным Расина и классической «Науки стихотворной» Буало стремится занять примирительную позицию. Представителей новой литературы и корифеев старой школы он помещает в единый Пантеон:

Коль нравятся иным и Гете, и Байроны,
Не должно запрещать Софокла любить,
И подражателем ему Расину быть. ²⁶

По мнению Хвостова, разные типы творчества способны сосуществовать, их подлинную ценность установит время: «Спор о той или другой Мельпомене не окончен». ²⁷ Сам Хвостов остается приверженцем прежней, основанной на принципах Софокла и Расина, однако, считает он, «поэт гениальный» (именно так в заметке назван Пушкин) способен отступать от традиций.

Осенью 1831 года, одобрительно откликаясь на стихотворение Пушкина «Клеветникам России», ²⁸ Хвостов обращается к нему со стихотворным посланием, где призывает:

Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа;
Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа;
Как начал громко — продолжай
О древних подвигах великих,
И вопли птиц ночных и диких
Ты, песнопевец, презирай. ²⁹

К строке «О древних подвигах великих» Хвостов сделал примечание: «Смотри стихотворение Александра Сергеевича Пушкина: „Полтаву” и „Бориса Годуно-

²³ Русский вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 304.

²⁴ Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 2. С. 310. То же: Пушкин в прижизненной критике. Т. 3. С. 222. О новой природе единства действия у Пушкина см.: Карнов А. А. «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Анализ драматического произведения. Л., 1988. С. 94.

²⁵ См., например: «У французов, подражательно Аристотелю, три единства: действия, места и времени. Искусный автор может продлить время представления и удалиться от единства места, но обязан необходимо сохранить единство действия» (Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 258—259; прим. 224).

²⁶ Там же. С. 179.

²⁷ Там же. С. 261 (прим. 230).

²⁸ О данном эпизоде взаимоотношений Пушкина и Хвостова см.: Балакин А. Ю. Пушкин — читатель графа Хвостова. 2. «...Он помолодел и тряхнул стариной» // Русская литература. 2014. № 4. С. 135—145.

²⁹ Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. Т. 7. С. 102.

ва».³⁰ Упоминание пушкинской трагедии в подобном контексте — дополнительное свидетельство того, что граф выделял ее среди других произведений Пушкина. Ныне мы располагаем достаточно развернутым суждением Хвостова об этом произведении.

Вводимый в научный оборот отзыв Хвостова о «Борисе Годунове» заслуживает внимания и как еще одно свидетельство интереса к пушкинской трагедии в современной поэту литературной среде, и как документ, позволяющий уточнить представления о самой фигуре Хвостова-литератора.

³⁰ Там же. С. 262 (прим. 95).

© С. А. Фомичев

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «НОС»: РЕАЛЬНОСТЬ АБСУРДА

8 февраля 1833 года Н. В. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «На днях печатает он (В. Ф. Одоевский. — С. Ф.) фантастические сцены под заглавием „Пестрые сказки“. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром».¹ Можно было бы заподозрить здесь обычное для молодого Гоголя хвастовство. Но сохранился экземпляр книги с надписью автора: «Эти сказки написаны Кн. Одоевским и редактированы Н. В. Гоголем».²

Для манеры В. Ф. Одоевского была характерна назидательная умозрительность сатирико-фантастических рассуждений, ср. хотя бы полное заглавие книжки: «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою»,³ магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные г. Безгласным» — или такой пассаж из предисловия Гомозейки: «Представьте себе мое страдание! Мне, издержавшему всю свою душу на чувства, обремененному многочисленным семейством мыслей, удрученному основательностью своих познаний, — мне очень хочется иногда поблистать ими в обществе...»⁴ Только в двух из его сказок, а именно в «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» и в «Сказке о том, каким образом коллежскому советнику Ивану Богдановичу не удалось в Светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником»⁵ — имеются пространные житейские зарисовки, отчасти напоминающие гоголевскую художественную манеру.

Сергей Александрович Фомичев — главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹ Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 49.

² Фотокопию разворота авантюла с надписью из собрания библиотеки Кембриджского университета см.: *Одоевский В. Ф. Пестрые сказки*. СПб., 1996. С. 48—49 (сер. «Литературные памятники»). О совпадающих мотивах «Пестрых сказок» и «Носа» см. в комментариях М. А. Турьян к этому изданию (с. 158—159) и Е. Ю. Хин в книге: *Одоевский В. Ф. Повести и рассказы*. М., 1985. С. 465.

³ «Гомзать стар., гомозить или гомозиться, возиться, беспокойно шевелиться, вертеться, не смирно стоять или сидеть; суетиться; трогать что, копать в чем» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1979. Т. 1. С. 373).

⁴ *Одоевский В. Ф. Пестрые сказки*. С. 8.

⁵ О мотиве «дело—карты» в этой сказке см.: *Падерина Е. Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя. История текста и поэтика*. М., 2009. С. 197—198. Здесь же отмечено: «У Гоголя оппозиционирование карточной игры делу впервые было заявлено в незавершенной комедии „Владимир 3-ей степени“, замысел и первые наброски которой относятся к 1832 году. В опубликованной в первом томе пушкинского „Современника“ за 1836 г. сцене из этой комедии под названием „Утро делового человека“ существенное место занимает оживленное обсуждение чиновниками „вчерашнего“ виста» (Там же. С. 198).